

Д О Н Е С Е Н І Е

АДЪЮНКТА СРЕЗНЕВСКАГО,

Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ
Ввны, отъ 8 (20) Февраля 1841 года.

Путешествующему по землямъ Славянскимъ съ цѣлю изученія Исторіа, языка и Литературы Славянъ, представляется поприще столь же разнообразное, сколько и обширное. Языкъ и сочиненія, слогъ и образованность Писателей, ихъ вліяніе другъ на друга и вообще на просвѣщающійся классъ, развитіе знаній и идей, словомъ все, что составляетъ предметъ Литературы, въ обыкновенномъ значеніи сего слова, сколько ни занимательно, сколько ни важно для него, не можетъ быть однакожь исключительнымъ предметомъ его наблюденій. Онъ долженъ узнать языкъ Славянскій въ его коренной характеристикѣ и многообразныхъ измѣненіяхъ въ разныхъ странахъ и въ разные вѣки, долженъ обращать особенное вниманіе на тѣ произведенія, въ которыхъ отразились, которыя одушевили наиболѣе умъ и фантазія, вкусъ и образованность Славянъ, какъ племена отличнаго отъ другихъ по духу и жизни, — и не можетъ не очертить себѣ круга, гораздо болѣе обширнаго, нежели какой даетъ ему обыкновенная Литература. Ограничиваясь тѣмъ, что найдетъ въ языкѣ и сочиненіяхъ Писателей, онъ увидитъ Славянъ подъ вліяніемъ, часто очень

сильнымъ, ихъ сосѣдей, Западной Европы, и тѣмъ мѣнѣе узнаеть самое Славянство. Чтобы узнать Славянство (что нужно ему и для самаго опредѣленія степени вліянія чужаго на Славянъ), онъ долженъ, съ одной стороны, — изучать старинныя памятники языка, писачные люди-ми, еще не имѣвшими притязанія на названіе «Писателей» и «Литераторовъ», и тѣмъ болѣе сохранившими въ своихъ сочиненіяхъ народность языка, народность мысли и чувства; съ другой стороны, идти въ народъ, вслушиваться въ его рѣчь, простую, не испорченную исполненіемъ придуманныхъ правилъ, въ его пословицы, пѣсни, преданія, въ которыхъ выражаетъ онъ себя, свой умъ и фантазію, вкусъ и понятія, свою жизнь и свое прошлое такъ простосердечно и такъ полно. А чтобы онъ могъ понять сознательно то, что прочтеть въ старыхъ хартияхъ и услышитъ въ деревняхъ и поляхъ, онъ долженъ узнать образъ жизни Славянъ, ихъ нравы и обычаи, вѣрованія и обряды. . . . Проникнувъ въ духъ Славянства, узнавъ его въ тѣхъ проявленіяхъ, гдѣ условія Искусства не вредили Природѣ, онъ будетъ въ состояніи оцѣнить и тѣхъ Писателей, которые, не смотря на цѣпи, наложенныя на нихъ вліяніемъ чужаго, смогли однакожь сохранить свою народность, понять свой народъ, свой родной языкъ, и тѣ формы, въ которыхъ можетъ изящнѣе и могучѣ проявляться умъ и фантазія для его соотчичей, въ одеждѣ его Отечественнаго языка. — Немного памятниковъ языка и Словесности Славянъ сохранилось намъ отъ старыхъ временъ, но тѣмъ они драгоцѣннѣе, и тѣмъ болѣе притомъ должно цѣнить и изслѣдывать тѣ, кои хранять самъ народъ. Изученіе Славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ, ихъ народной Словесности, изученіе мѣстное, такъ сказать топографическое, считалъ я и считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная

Словесность представляютъ Этнологу, Историку, Филологу хотя вѣчто такое, что на перекоръ судьбѣ, пережило долгіе вѣки, и сохранилось только въ немъ, что каждый Славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звѣномъ въ общемъ развитіи Славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ общо-Славянскихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи каждую особенную народность жизни и слова можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ (*mode musicale, Tonart*): каждая необходима, каждая самобытна, хотя и совпадаетъ, сливается съ другими. Самое современное направленіе большей части знатоковъ и любителей Славянской Этнологіи и Филологіи въ Европѣ убѣждаетъ въ необходимости топографическаго изученія Славянъ: многіе изъ нихъ занимаются тѣмъ, что сохранилось въ книгахъ и рукописяхъ, что подлежитъ ученому разбору и уже не исчезнетъ, какъ фактъ, но слишкомъ немногіе ищутъ новыхъ фактовъ, еще пока живыхъ въ народѣ, но при современномъ движеніи образованности, все болѣе исчезающихъ. Много ли Караджичей насчитать можно въ цѣлой Европѣ, не только между Славянами? И какая Славянская народность изслѣдована такъ, чтобы для Этнолога и Филолога оставалось только критицировать и приводить въ систему собранные матеріалы? — Безъ сомнѣнія, путешественникъ, ограниченный небольшимъ срокомъ времени, не можетъ сдѣлать все, что бы нужно было и что бы желалъ онъ сдѣлать; но во всякомъ случаѣ, при любви къ дѣлу и старательности, онъ можетъ болѣе или менѣе уменьшить число пробѣловъ въ книгѣ знанія Славянства: каждый сдѣлаетъ что-нибудь, многіе сдѣлаютъ много. Собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему.

Такъ понялъ я долгъ, наложенный на меня путешествіемъ по землямъ Славянскимъ, и до сихъ поръ

занимался изученіемъ Славянъ Прусскихъ (исключая Познани), Саксонскихъ, Богемскихъ и Моравскихъ.

Путь мой отъ границы до Праги былъ чрезъ Кеннигсбергъ, Берлинъ, Галле, Дойнцигъ и Дрезденъ.

Въ Кеннигсбергѣ я имѣлъ удовольствіе сблизиться между прочимъ съ Профессорами тамошняго Университета, Розенкранцемъ и Шубертомъ. Розенкранцъ, занимаясь народной Поэзіей въ отношеніи мнѣологическомъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ замѣчаній касательно народной Поэзіи Германской, принимаемыхъ къ міру Славянскому. Хотя и послѣдователь Гегеля и одинъ изъ знаменитѣйшихъ его послѣдователей, онъ однако не противникъ народности философскихъ идей, не противникъ того, что и Философія, особенно Физиологія и Эстетика могутъ и должны искать отвѣтовъ на многіе изъ своихъ вопросовъ въ наблюденіяхъ той части народа, которая, сохраняя старину и простоту нравовъ, обычаевъ и пбнятий, обыкновенно обвиняется въ невѣжествѣ; народъ хранитъ вѣковыя истины, и даже часто въ драгоценныхъ покровахъ. Шубертъ обязалъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣдѣній о Славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и Австрійской Имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личнаго наблюденія въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи, многіе видятъ Славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается чисто-Славянскимъ безъ знанія Нѣмецкаго языка. Съ его же помощію началъ я составленіе этнографической карты Славянской части Европы.

Въ Берлинѣ я остался на нѣсколько недѣль: это нужно было и для обзоренія Библіотеки и Кабинетовъ древностей, для знакомства съ Учеными, отъ которыхъ я могъ воспользоваться обще-филологическими свѣдѣніями, и для самыхъ этнографико-лингвистическихъ

Изысканій. Библиотека Берлинская не богата впрочемъ ни рукописями, ни старопечатными книгами, важными для Славянофила. За то чрезвычайно богатъ Кабинетъ древностей во дворцѣ Монбжу : тамъ собраны языческія вещи, откопанныя въ могилахъ и городищахъ, во всѣхъ частяхъ Прусскаго Королевства, и расположены довольно правильно по родамъ, съ замѣчаніями, гдѣ что найдено ; Славянофилъ долженъ изучать сей превосходный Кабинетъ. Изъ Ученыхъ Берлинскихъ я сблизился болѣе всего съ Профессоромъ Боппомъ, столь справедливо занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ между Филологами Европы. Обширное знаніе языковъ такъ-называемаго Индо-Германскаго корня, твердая и глубокая мысль и сообразительность, неусыпная дѣятельность и безпристрастіе, добродушіе и готовность помогать каждому любителю языкознанія, отличаютъ этого Ученаго и внушаютъ къ нему полное уваженіе. Прилежно посѣщая его лекціи и утруждая его частыми приходами къ нему на домъ, я имѣлъ счастье пользоваться его вниманіемъ, и многимъ обязанъ ему какъ въ отношеніи къ современнымъ разысканіямъ по части общей Сравнительной Грамматики, такъ и въ отношеніи сравненія Санскритскаго языка съ Славянскимъ. — Профессоръ Дитеричи помогъ мнѣ умножить запасъ статистико-топографическихъ свѣдѣній о Славянскомъ народонаселеніи Пруссіи. Что до этнографико-лингвистическихъ разысканій моихъ въ Берлинѣ, то они болшею частію касаются Кашубовъ или Кашебовъ, остатка Славянскаго народа, обитающаго на границахъ Западной Пруссіи и Помераніи, у береговъ Балтійскаго моря. Зимнее время года, въ которое ѣхалъ я изъ Кенигсберга въ Берлинъ, не позволило мнѣ быть въ землѣ ихъ и на мѣстѣ изучить ихъ нарѣчіе и обычаи ; впрочемъ я успѣлъ ознакомиться съ ними въ Берлинѣ, гдѣ, какъ и въ другихъ важныхъ городахъ Пруссіи, можно найти Кашебовъ въ военной службѣ. Въ

послѣдствіи и успѣлъ сблизиться съ нѣкоторыми Камебамъ во Вратиславѣ (Breslau) и въ Сгорльцѣ (Görlitz). Замѣчанія о нарѣчій Камебскомъ имѣю честь приложить при семъ особенною статью (*).

Въ Галле я надѣялся воспользоваться совѣтами и ученостію Профессоровъ Болена и Потта. Болена я уже не засталъ въ живыхъ; онъ умеръ, едва успѣвши дочитать корректуру Ритусангары, которую печаталъ въ подлинникѣ съ примѣчаніями и переводомъ. Какъ Корреджіо, онъ самъ нашелъ поприще, на которое призванъ былъ Природою, и палъ подъ тяжестью трудовъ и думъ. Посмертныя труды его перешли въ руки Потта, и конечно будутъ изданы. Въ Поттѣ я нашелъ втораго Боппа: та же ученость, то же добродушіе, та же искренняя любовь къ своему предмету и то же высокое сознаніе его трудности. Бесѣды съ нимъ были для меня столь же и пріятны, сколько поучительны, и тѣмъ болѣе были они для меня пріятны, что Поттъ безпристрастно любитъ Славянъ, и знаетъ, что Славяне сдѣлали и сдѣлаютъ для Европы. Съ нимъ же вмѣстѣ и съ нѣкоторыми Славянами изъ Венгріи, учащимися въ Галльскомъ Университетѣ, я обходилъ Славянскія окрестности Галле. Языкъ исчезъ, нравы и обычаи измѣнились, все онѣмчилось; но преданіе живо, и названія урочищъ подтверждаютъ его: всѣ эти мѣста были Славянскими. Я думалъ найти хотя что-нибудь Славянское и между Галлорами, работающими на Галльскихъ соловарнахъ; но уже ни языкъ, ни одинъ изъ обычаевъ, ни даже фамильныя имена ихъ, ничто не напоминаетъ о Славянствѣ: они помнятъ только, что имѣли когда-то какой-то другой языкъ.

(* Она будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Ж. М. Прил. Ред.

Въ Лейпцигѣ я осмотрѣлъ Славянскія рукописи и обѣдился съ нѣкоторыми изъ Членовъ тамошняго Луцкаго-Сербскаго Общества, особенно съ Мосигомъ фонъ Эренфельдомъ. Это Общество основано Студентами Университета еще въ 1716 году, и постоянною цѣлю имѣло поддержаніе знанія Верхне-Луцкаго нарѣчія между тѣми, которые готовятся быть Пасторами въ Верхнихъ Луцкахъ (Ober-Lausitz). Съ недавняго времени оно соединило съ этою цѣлю и цѣль этнографико-литературную, занимаясь собираніемъ всего, что можетъ имѣть цѣну въ отношеніи къ Этнографіи, Языкознанію и Литературѣ Верхнихъ и отчасти Нижнихъ Луцкъ (Nieder-Lausitz). Мосигъ фонъ Эренфельдъ есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ: Луцичане, любящіе свою родину, могутъ надѣяться отъ него многого.

Библиотекъ и Кабинетовъ древностей въ Дрезденѣ, въ этотъ перѣздъ чрезъ Дрезденъ, я не осматривалъ, какъ потому, что спѣшилъ въ Прагу, такъ и потому, что надѣялся это исполнить въ болѣе благопріятное время года, во время путешествія въ Луццы. Я познакомился только съ Придворнымъ Капелланомъ Грабѣтою; онъ родомъ Чехъ, душою Славянинъ, и, какъ слышно, сдѣлалъ немало добраго для Славянъ Луцкихъ.

Пріѣхавши въ Прагу, я успѣшилъ познакомиться съ Шафарикомъ, Ганкою, Юнгманомъ, Челковскимъ, Палацкимъ, Преслемъ, Станькомъ, Амерлингомъ и другими Пражскими Славянофилами. Блестящимъ созвѣдіемъ они освѣщаютъ Прагу предъ прочими городами Австрійской Имперіи и всего Западнаго Славянства. О Шафарикѣ я могу повторить только то, что каждому извѣстно: не знаешь, чему въ немъ болѣе удивляться, патриархальному ли благородству характера или ученому трудолюбію. Въ почтенномъ Ганкѣ каждый Русскій, какъ и каждый Славянинъ, находитъ друга, роднаго. Его умѣнье находить древніе памятники Литературы удивительно; что

же касается напавокъ нѣкоторыхъ, осмѣливавшихся предполагать, будто онъ могъ поддѣлывать такіе напечатки, на нихъ не стоить отвѣчать: кто не знакомъ лично съ Ганкою, тотъ можетъ читать то, что онъ открылъ, и убѣдиться въ противномъ. Старецъ Юнгманъ, воздвигшій себѣ бессмертнѣйшій напечатки «Чешскимъ Словаремъ», продолжаетъ трудиться надъ его дополненіемъ, и приготовляетъ второе изданіе «Исторіи Чешской Литературы». Благодарные соотчичи готовятъ полное изданіе прочихъ его сочиненій, превосходныхъ и по языку и по глубоко-искреннему чувству, ихъ одушевляющему. Онъ уже старецъ, но это чувство оживляетъ его и теперь, и даетъ силы трудиться для Отечества, какъ трудился онъ юношею, когда поле новой Чешской Литературы было пусто и не было еще надежды, что на немъ созрѣетъ какое-нибудь зерно, когда самого Добровскаго надобно было увѣрять, что это возможно. Юнгманъ былъ первымъ свѣтелемъ, и свѣтелемъ счастливымъ: ему обязаны Чехи тѣмъ, что видѣютъ теперь и Литературу и любовь къ Литературѣ своей. Челковскій, бывшій Профессоръ Чешской Литературы въ Университетѣ Пражскомъ и занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ между современными Чешскими Поэтами, посвящаетъ большую часть времени на составленіе этимологическаго дополненія къ Словарю Юнгмана, предполагая въ немъ объяснить корни и духъ производства словъ изъ корней въ языкѣ Чешскомъ: его проникательность и знаніе почти всѣхъ Славянскихъ нарѣчій ручаются за важность этого труда. Другой трудъ, занимающій Челковскаго, есть сравненіе пословицъ всѣхъ Славянскихъ народовъ; можно надѣяться, что первая часть этого труда выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Наконецъ свою «Исторію Чешскаго народа», довольно извѣстенъ. Жаль, что онъ медлитъ ея изданіемъ на Чешскомъ языкѣ. Въ недавнее время, вмѣстѣ съ Штеари-

комъ, онъ издалъ превосходное объясненіе «Суда Либуши» и «Отрывка изъ Евангелія Іоанна,»—древнѣйшихъ памятниковъ Чешскаго языка, относящихся къ X вѣку, и въ немъ показалъ очень искусно всю несправедливость сомнѣній, относительно подлинности сихъ драгоценностей. Теперь онъ занимается изданіемъ «Чешскаго Архива»,—собранія старыхъ дипломатическихъ бумагъ Чешскихъ, и печатаетъ третій томъ «Исторіи Чешской». Не могу умолчать и объ ученомъ благородномъ Преслѣ, хотя онъ и не занимается собственно Литературой. Его поприще — Естествознаніе; но всѣ свои творенія пишетъ онъ на языкѣ Чешскомъ, и имѣлъ сильное влияніе на учное обработываніе Чешскаго языка, хотя его нововведенія и не всегда были удачны. Что же касается его любви къ отечеству, въ этомъ отношеніи для молодого поколѣнія не надобно лучшаго примѣра. Два достойные ученика его, одушевленные подобно ему благородною любовію къ отечеству, суть Докторы Станекъ и Амерлингъ. Они также посвящаютъ себя преимущественно Естествознанію: первый издалъ недавно прекрасное «Руководство къ Анатоміи», а второй издаетъ «Химию». Изъ Литераторовъ, принадлежащихъ къ молодому поколѣнію, первое мѣсто занимаетъ Тилъ: по службѣ онъ Военный Писарь, на сценѣ актеръ, дома Сочинитель и Переводчикъ драмъ и пьесъ, Редакторъ газетъ и журналовъ, и за свою любовь къ народности, за свой слогъ и умѣнье рассказывать заслужилъ всеобщее уваженіе всей публики Чешской. Онъ же не мало содѣйствовалъ и увеличенію ея. Удостоенный отъ всѣхъ радушнымъ приемомъ и готовностію помогать мнѣ въ моихъ занятіяхъ, я изучалъ въ Прагѣ подъ руководствомъ Челяковского древній и новій Чешскій языкъ, а подъ руководствомъ Ганки драгоценности Чешскаго Музеума. Не могу не засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ моей искренней благодарности симъ двумъ Ученымъ, а равно и Шафа-

ривку, которому обязанъ я многими совѣтами, какъ относительно занятій, такъ и относительно плана путешествія.

Я оставался въ Прагѣ около четырехъ мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока успѣлъ усвоить себѣ въ нѣкоторой степени разговорный Чешскій языкъ, и погода позволяла мнѣ начать путешествіе пѣшкомъ.

Первымъ моимъ долгомъ было посѣтить тѣ части Чехіи, гдѣ или народъ Чешскій сохранилъ чистоту и особенности въ языкѣ и обычаяхъ, или сама земля сохранила на себѣ и въ себѣ памятники мнувшаго. Тѣмъ болѣе необходимымъ считалъ я это, что, не смотря на постепенное развитіе Литературы Чешской въ наше время, направленіе господствующее между Литераторами не позволяетъ надѣяться отъ нихъ важныхъ трудовъ касательно изученія народности: за исключеніемъ очень немногихъ, они заняты или чисто книжной ученостью, или Литературой иностранной; а изученіе народности, не смотря на то, что оно видимо слабѣетъ, остается почти для всѣхъ вещью постороннею, лишнею, такъ сказать игрушкою. Я уже не говорю о трудахъ, подобныхъ трудамъ Сахарова, Дала и Снегирева, Голембѣвскаго или Войцѣцкаго, Караджича или Колляра, и т. п. Подобнаго труда можно ожидать въ Чехіи отъ одного Челяковскаго. Даже и хорошаго собранія пѣсенъ народныхъ до сихъ поръ нѣтъ у Чеховъ: собраніе Риттерсберга составлено безъ порядка и критики; собраніе Челяковскаго, составляющее часть общаго собранія Славянскихъ пѣсенъ, по самому плану изданія, не могло быть полно; Камаритъ, правда, издалъ хорошее собраніе народныхъ пѣсенъ, но только духовныхъ. Одинъ изъ молодыхъ Литераторовъ Пражскихъ готовитъ къ печатанію новое собраніе народныхъ пѣсенъ; но, сколько знаю, и оно не будетъ богато. Необходимое условіе при редакціи народныхъ пѣсенъ, ихъ объясненіе этнографическое, топогра-

оческое, историческое и т. д., было совершенно оставлено безъ вниманія. Собранія пословицъ, кромѣ старыхъ и помѣщенныхъ въ Словаряхъ, собранія, которое также должно быть издаваемо съ объясненіемъ, равнымъ образомъ нѣтъ. О собраніи сказокъ, преданій, повѣрій и описанія обычаевъ и обрядовъ помышляли немногіе; немногое изданное разбросано по разнымъ журналамъ и газетамъ. Такой недостатокъ вниманія къ народности тѣмъ болѣе удивителенъ, что опыты нѣкоторыхъ (Челявскаго, Каменickaго, Лангера, Тилля, Рубеша) писать въ духѣ народномъ имѣли блестящій успѣхъ. Еще менѣе вниманія было обращено на изслѣдованіе остатковъ языческой древности, сохранившихся на землѣ и въ землѣ въ Чехіи. Въ этомъ отношеніи можно упомянуть объ одномъ Калниѣ, котораго книга въ Россіи извѣстна по Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія. Онъ приготовляетъ теперь съ продолженіе. Впрочемъ, кабинетъ его довольно бѣденъ. Между тѣмъ ходя въ окрестностяхъ Праги въ мѣстахъ за Сланымъ и около Мельника, гдѣ въ народѣ остались преданія о старыхъ временахъ, а въ землѣ остатки языческой древности, — въ мѣстахъ вокругъ Болеслави (Bunzlau), Ичина, Турнавы, не только виднѣсь всюду остатки давномѣрившей жизни, но и въ самомъ нарѣчій старыя формы, — въ мѣстахъ около Пльни (Pilsen) и далѣе до послѣдней нынѣшней Славянской границы на Западѣ, также около Клатова, Страколицъ и Будѣевецъ (Budweis), можешь замѣтить, что Чехи тамъ, въ сосѣдствѣ съ коренными Нѣмцами, сохранили въ нравахъ и обычаяхъ болѣе чистоты, нежели въ другихъ мѣстахъ Чехіи, и т. д. Во время сихъ странствій по Чешской землѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми учеными Литераторами Чешскими, кои были мнѣ полезны и въ отношеніи филологическомъ и въ отношеніи моего путешествія. Такъ въ Ковани я нашелъ Пастора Винарицкаго, занимающаго одно изъ пер-

выхъ мѣсть въ современной Литературѣ Чешской, и владѣющаго художнически литературнымъ Чешскимъ нарѣчіемъ; въ Сobotкѣ Декана Ветешника, а въ Либови Декана Антонія Марка, изъ которыхъ послѣдній также съ честію дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ; въ Ичинѣ— Профессоровъ Шира и Махачка, изъ которыхъ первый давно уже занимается сравненіемъ Славянскихъ корней съ Санскритскими, а второй переводомъ лучшихъ Германскихъ Писателей на Чешскій языкъ; въ Пльзні— Профессора Сметану, посвятившаго себя составленію учебныхъ руководствъ на Чешскомъ языкѣ; въ Козоубдахъ одного изъ лучшихъ беллетристовъ Чешскихъ, Пастора Юрія Марка, и пр. Вообще можно замѣтить, что въ Чехіи съ года на годъ увеличивается число людей, посвящающихъ себя Отчественной Литературѣ, и еще болѣе число людей, оживленныхъ любовію къ Отчеству. Къ этому надобно прибавить, что такихъ людей болѣе всего можно найти въ духовномъ сословіи: это — столпъ Чешскаго народа.

Во всей Богеміи считается жителей 4,250,000, и изъ нихъ Чеховъ, не забывшихъ своего языка, 3,000,000; остальные суть или Нѣмцы, или отмеченные Чехи (Жидовъ 70,000, Цыганъ не болѣе 2 — 3,000, и пр.). Языкъ Нѣмецкій господствуетъ отчасти въ городахъ, хотя впрочемъ въ нихъ и самыя Нѣмцы принуждены умѣть говорить по Чешски, и болѣе по границамъ Богеміи, особенно на Сѣверѣ, Западѣ и Югѣ, менѣе на Востокѣ; вся средина Богеміи остается Чехіей. Именно, общими чертами границу между Нѣмецкой Богеміей и Чехіей на Сѣверѣ и Сѣверо-Западѣ, начиная съ Восточной границы Богеміи на Сѣверѣ, можно провести отъ Браунау къ Кралевудвору (Königshof), Либерцу (Reichenberg), Мельнику, Лютомѣрицу (Leitmeritz), Рабенштейну, Пльзні (Pilsen) и Вальдмихену на границѣ Баварской,

такъ что у Вальдмихена Чехи живутъ на самой даже границѣ; за Вальдмихеномъ на Юго-Востокѣ граница Чехии идетъ къ Яновицу, Прахатицѣ, Грацену, переходитъ въ Австрію за Гмиондъ и къ Личову (Litschau) и входя опять въ Богемію, проходитъ мимо Генрихова (Neuhaus), тутъ на Югѣ Нѣмцы живутъ еще у Будѣвицъ; на Востокѣ Нѣмцы живутъ около Иглавы и далѣе за Полицной по границамъ Моравскимъ къ Сѣверу на узкой полосѣ земли къ Находу, такъ что около Находа и далѣе, почти до Браунау, Чехи живутъ на самой Пруско-Силезской границѣ. Что касается языка народнаго въ Чехии, можно замѣтить, что онъ кое въ чемъ отличенъ отъ языка литературнаго, и нѣсколько различается по разнымъ мѣстамъ. Въ первомъ отношеніи можно замѣтить слѣдующее. I. Склоненіе существительныхъ: а) вмѣсто именительнаго средняго на *i* (*apellaci*), употребляется *o* (*apellaco*); б) вмѣсто дательнаго множ. мужскаго на *im*, употребляется *om* (*mižim* — *mižom*); в) вмѣсто творительнаго множ. на *mi*, употребляется *ma* (*dubami* — *dubama*, *ženami* — *ženama*). II. Склоненіе прилагательныхъ качественныхъ: а) вмѣсто окончательныхъ *ý* и *é*, употребляется *eu* или *ej* (*krasný*, *krasné* — *krasnej*), равно и во всѣхъ коренныхъ *ý* (*mlýn* — *mlejn*); б) вмѣсто *ých*, *ým*, *ými* — *ejch*, *ejm*, *ejma* (*krasných*, *krasným*, *krasnými* — *krasnejch*, *krasnejm*, *krasnejma*); в) вообще прилагательное во множественномъ склоняется въ женскомъ и среднемъ одинаково. III. Мѣстоименія: а) вмѣсто *impe* во многихъ мѣстахъ употребляется *imě*; б) также и вмѣсто *je* (винит. един. муж.) — *ho*; в) вмѣсто *opá*, въ имен. и винит. средняго множествен. — *opí*. IV. Глаголь: а) средний родъ не отличается отъ женскаго и мужскаго; б) причастія не употребляются, дѣе-причастія очень часто; в) вмѣсто *jiti*, *piti*, *ziti*, *titi* и т. п. употребляется *jati*, *piati*, *zati*, *tjati*; д) вмѣсто *rijí*, *hrabi*, *škrabi*, *teši*, *kázi*, *miluji* — *řiju*, *hrabu*, *škra-*

bu, tešu, kažu, miluju и т. п.; е) вмѣсто *piji, honi, hledi, miluji* — *pijou, honeji — honiju, hleději — hlediju, milujou*. V. Можно замѣтить также, что вмѣсто *již, ještě*, говорится *juž-už* и *ešte-ešče*. — Въ отношеніи къ мѣстнымъ различіямъ Чешскаго языка можно замѣтить: а) въ Восточныхъ краяхъ всюду вмѣсто *št'* употребляется *šč* (*šč'esti-ščesti*); б) въ горахъ на Сѣверо-Востокѣ слышно твердое *š*, потерянное остальными Чехами такъ давно, что самъ Гуссъ жаловался уже на нерадѣніе произносить его (*byl-butš*); в) на Югѣ отъ Праги, между Веровой (Veraup), Прибрамомъ, Хлумцемъ, Явовицемъ и Збраславомъ, вмѣсто творительнаго на *em* въ именахъ существ. и предложнаго на *em*, въ именахъ прилагат., употребляется *om* (*stromem — stromom, na bujnem koni — na bujnem konju*); д) тамъ же и во многихъ другихъ мѣстахъ вмѣсто родит. на *e* и дательн. и предлож. на *i*, употребляется въ первомъ случаѣ *a*, а во второмъ *u* (*meše, meši — meša, mešu*); е) равнымъ образомъ въ склоненіи женскомъ вмѣсто именит. *e*, родит. *e* или *ě*, дательн. *i*, винит. *i*, творительнаго *i*, употребляется, особенно на Востокѣ, *a, i, ě, u, ou* (*zeme, zeme, zemi, zemi, zemi — zemja, zemi, země, zemju, zemjou*); ф) въ Хрудимскомъ краѣ творительный женскій оканчивается на *jej, ej* (*zemjej, ulicej*); г) несклоняемая на *i* средняго рода во многихъ мѣстахъ склоняются (*znamenje, znamenjo, znamenju, znamenjém, znamení, вмѣсто znamení, znamení, znamení, znamením, znamení*, и во множественномъ также); д) окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на Сѣверо-Востокѣ *t'* мягкое, на Югѣ *t* твердое, и только въ Пльзенскомъ краѣ *ti* (*pisati — pisat', pisat, pisati*). Я уже не говорю о различіи въ словахъ: каждый край имѣетъ свои особенныя слова и выраженія, оставшіяся отъ стараго времени и очень важныя для объясненія старыхъ памятниковъ.

Вообще, какъ относительно языка, такъ и относительно обычаевъ особенно замѣчательны жители Восточныхъ краевъ и пограничныя Сѣверовосточныя и Югозападные горцы: городская жизнь и все Нѣмецкое имѣла на нихъ менѣе вліянія; слова, подобныя «*doch, fort, gleich, recht (mate recht)*», третье лице множествъ, вмѣсто втораго (шáji или шáju recht, вмѣсто шáte recht, вы правы) и тому подобныя грубые германизмы рѣдки; одежда старинная; въ нравахъ простота; болѣе любви къ пѣснямъ, болѣе любви къ обрядамъ; болѣе почтенія къ образованности, болѣе невинности и простодушія въ обхожденіи между людьми. Суевѣріе въ одинаковой степени всюду, съ тою только разницею, что тамъ, гдѣ Нѣмцы имѣли вліянія болѣе, замѣтно болѣе однообразія въ суевѣріяхъ. Знаніе читать и писать распространено также одинаково всюду. При семъ замѣтить можно, что тамъ, гдѣ Нѣмцы и Чехи сосѣдственны, Чехъ заставляютъ сына учиться по-Нѣмецки, а Нѣмецъ по-Чешски. Гостепріимство болѣе тамъ, гдѣ болѣе Чеховъ, тамъ же и менѣе нищихъ. Религіозное чувство и любовь къ музыкѣ отличаетъ Чеховъ: ни въ одной странѣ не лѣзя вайти столько, и столько прекрасныхъ, духовныхъ, и ни въ одной столько дурныхъ свѣтскихъ пѣсень съ прекраснымъ напѣвомъ, сколько въ Чехіи. Славянъ тутъ замолкли давно, не оставили по себѣ и памяти, и милостыню выпрашиваютъ уже не пѣснію, а музыкой, игрой на скрипкѣ, на арфѣ. Не только нѣтъ особеннаго класса пѣвцевъ, но нѣтъ большей охоты и къ хоровымъ пѣснямъ не духовнымъ; даже вообще пѣсня стала игрушкою, если не поется въ церкви или во время богомолья. Не мудрено, что въ Чехіи нѣтъ пѣсень историческихъ, очень мало старинно-обрядныхъ, мало и элегическихъ,— а много смѣшныхъ, юмористическихъ. Пословицъ и поговорокъ, особенно юмористическихъ, множество. Сказокъ, болѣею частію фантастическаго содержанія, также

много, но онѣ разсказываются дурно, вяло, безхарактерно: искусныхъ сказочниковъ или вовсе нѣтъ, или очень мало.

И могилы и городища въ Чехіи очень рѣдки. Не мудрено: эта страна пережила столько періодовъ земледѣлія. Только въ стародавнихъ лѣсахъ или въ мѣстахъ опустѣлыхъ остались они, и, странно, городищъ осталось болѣе, нежели могилъ. Таковы за Збраславью, у Радницъ, у Лопаты, не далеко отъ Шаглавы (наз. Hradina, а не Hradiště), у Копыльна, у Постолюпты, и въ разныхъ мѣстахъ Чехіи, разсѣянно. Форма ихъ та же, что и въ Россіи: кругообразный валъ съ отверстіемъ съ одной стороны и углубленіемъ въ срединѣ; отверстія обращены то въ ту, то въ другую сторону, чаще впрочемъ къ раннему Востоку. Въ городищахъ находятъ одни черепки, иногда бронзовыя и каменные вещи. Цѣлыя урны съ пепломъ и съ вещами находятъ въ землѣ, гдѣ можетъ быть прежде и возвышались намогильныя холмы, но гдѣ уже не осталось и слѣдовъ ихъ.

Моравія представляла для меня еще болѣе предметовъ для изслѣдованія и изученія. Не столько страдавшая въ вѣкахъ прошедшихъ, менѣе просвѣщенная, она сохранила въ большей степени свою народность, и представляетъ ее въ отношеніи къ обычаямъ и языку въ столь разнообразныхъ оттѣнкахъ, что почти въ каждомъ ея углу наблюдатель находитъ что-нибудь новое, столь же мало извѣстное, сколько и достойное быть извѣстнымъ. Я говорю новое, мало извѣстное, ибо дѣйствительно Славянская Моравія до сихъ поръ ни въ отношеніи къ языку, ни въ отношеніи этнографическомъ еще не описана: небольшія замѣчанія, находимыя въ Топографіи Моравіи Вольнаго и въ разныхъ мѣстныхъ Нѣмецкихъ журналахъ и альманахахъ, очень недостаточны; а по части изданія памятниковъ народной Словесности находимъ только «Словацкія пословицы», из-

длинныя Трлкою, и « Моравскія пѣсни », издавныя Сушиломъ; и то первая книжка и мала и составлена наскоро, а вторая, хотя и богата количествомъ пѣсенъ, но въ отношеніи лингвистическомъ не имѣетъ никакой цѣны (въ ней не только не означено, гдѣ какая пѣсня списана, но не сохраненъ и общій мѣстный колоритъ нарѣчій, такъ что есть пѣсни, которыхъ не лзя причислить ни къ одному изъ Моравскихъ нарѣчій). Есть впрочемъ надежды на многое: Сушилъ продолжаетъ трудиться и, можно надѣяться, будетъ впередъ издавать болѣе осмотрительно; Огераль собираетъ матеріалы для Этнографіи Моравіи; Бочекъ и Шембера тоже; есть даже молодые люди, посвящающіе вакаціонное время путешествію по роднѣ, и собирающіе идіотизмы, преданія, обычаи и т. д. Все это будетъ мало по малу издаваемо въ предположенномъ Моравскомъ журналѣ, который собираются издавать въ Брнѣ; есть даже надежда, что будетъ издаваться не одинъ, а два журнала.

Брно (Brünn) не богатъ, но и не бѣденъ Славяно-оцами: тамъ нѣтъ только того братства, того единодушія между ими, какое находимъ въ Прагѣ, хотя впрочемъ и въ Прагѣ поколѣніе молодое какъ-то отдѣлено отъ стараго, и мало хочетъ и можетъ пользоваться его наставленіями, его опытностію, его ученостію; есть однако нѣсколько лицъ, по справедливости пользующихся и уваженіемъ и извѣстностію. Ученый Археологъ и Исторіографъ Моравіи Бочекъ, извѣстенъ своимъ богатымъ Моравскимъ Дипломатаріемъ, и еще болѣе заслуживаетъ быть извѣстнымъ по своей обширной учености, особенно въ отношеніи къ Среднимъ вѣкамъ Чехіи, Моравіи и окрестныхъ земель. Опъ собралъ множество матеріаловъ для составленія Моравскаго опомастика; не менѣе богато и его собраніе Моравскихъ идіотизмовъ, большею частію описанныхъ этнографически. Третій томъ дипломатаріа уже приготовленъ къ печатанію. Профессоръ Жакъ мно-

го и долгое время трудился надъ Чехо-Славянскою Грамматикою, обративъ первый особенное вниманіе на сближеніе нарѣчій народныхъ съ нарѣчіемъ, господствующимъ въ Литературѣ, и на обработку правилъ спряженія. Есть надежда, что его Грамматика будетъ издана еще въ нынѣшнемъ году. Профессоръ Клацель есть одинъ изъ лучшихъ Чешскихъ Поэтовъ. Профессоръ Сушиль извѣстенъ изданіемъ народныхъ Моравскихъ пѣсенъ (вторая книжка издана недавно); онъ имѣетъ много матеріаловъ для продолженія и улучшенія своего труда. Профессоръ Кинскій собираетъ дополненіе для Юнгманова Словаря: онъ былъ одинъ изъ первыхъ, начавшихъ вмѣстѣ съ Юнгманомъ трудиться для оживленія Чешской Литературы. Литераторъ Огераль, писавшій впрочемъ болѣе на Нѣмецкомъ языкѣ, занимается Этнографіею Моравіи: я обязанъ ему за доставленіе многихъ любопытныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи. Не могу не быть благодаренъ за подобныя свѣдѣнія также и Аббату Августинскаго монастыря въ Брнѣ и Аббату Рейградскаго монастыря (Reihern) близъ Брна.

Я посѣтилъ сей послѣдній для осмотра рукописи, извѣстной подъ названіемъ «*Martyrologium Odonis*». Писанная (in-4°, на 139 лст.) на пергаментѣ, въ первыхъ годахъ IX вѣка (если только считать замѣтку о семъ, находящуюся въ рукописи, не за копию съ другой болѣе старой рукописи). Она обращаетъ на себя вниманіе по Кирилло-Славянскимъ припискамъ, разсѣяннымъ на разныхъ страницахъ его. Сіи приписки замѣтилъ Палацкій въ 1837 году, а прочелъ Шафарикъ въ 1838. Главная изъ нихъ находится на л. 70, на правой страницѣ въ углу снизу и на оборотѣ въ углу сверху, полустарательно, полунепскусною рукою: чернила сошли, чернильная матерія, проникнувшая въ пергаментъ, позеленѣла, и написанное читается съ большимъ трудомъ. Вотъ отъ буквы до буквы сія приписка, какъ я прочелъ ее:

1. «Оче гѣ благослови иона хрѣстостома на рожа-
сто стаа кца свѣтлах дана данса и чуденъ прѣдз очеси
нашими данса мати живота нашего из ложсна изиде
схщѣй къ истинж мати свѣга дѣла небеснама нама ро-
днса носацинз спѣнига (кажется спѣнига, а не писанига,
какъ требуѣтъ подлинникъ Греческїй) жизни еж же раз-
друшано каста прѣ ».

2. «КТОГОСЕ НЕКО ЗЕМН»

Всѣ другїя приписки имѣють совершенно другую форму,
и по начертанію буквъ и по черниламъ; буквы новѣе,
чернила черно-желтоватыя. Вотъ онѣ всѣ: а) на полѣ
оборота 2-го листа есть такіе остатки: «р ѣз но смце
типтеахаскога жыражт»; б) на оборотѣ 51 л. «папѣ»;
в) на 65 — «кюра»; д) на оборотѣ 71 листа «апѣ»;
е) на оборотѣ 88 л. «апа»; ф) на 113 л. «пѣп»;
г) на оборотѣ 151 л. «пѣ»; и) на оборотѣ 133 листа
«чпѣ». Онѣ заставляють предполагать, что рукопись
при переплетанїи была обрѣзана, такъ что на обрѣзкахъ
остались недостающїя буквы (странно, что большая при-
писка, выписанная выше, не подверглась тому же иска-
женію). Кромѣ сихъ приписокъ есть и еще одно слово
не приписанное, а входящее въ текстъ рукописи. Вотъ
оно съ «развою, въ которую вставлено:

latría

«At illo cultuq grece латрїи dicitur latine uno verbo
dici non potest».

Рукопись начала IX вѣка, и въ ней Греческое слово
Славянскими (?) буквами — за полвѣка до Кирилла!
Невольно вспомнишь о словахъ Храбра. Но точно ли
рукопись IX вѣка? Не имѣя ни причины, ни надобности
не вѣрить современности всей рукописи, я однако поз-
волю себѣ сомнѣваться въ томъ, что и листокъ, на
которомъ находится это слово «латрїи», принадлежитъ

Часть XXXI. Отд. IV.

3

IX вѣку. Предъ первымъ листкомъ рукописи есть листокъ, бывший приклееннымъ къ доскѣ пережета; не трудно было замѣтить, что на внешней, не приклеенной къ доскѣ страницѣ его, написано то же, что и на оборотѣ 1-го листа. Догадываясь, что и на страницѣ, приклеенной къ доскѣ, должно быть то же, что на правой страницѣ 1-го листа, т. е. что весь этотъ листъ есть только повтореніе 1-го листа, я позволилъ себѣ отклеить этотъ листъ отъ доски, и всмотрѣлся въ связь тетрадей рукописи, и увидѣлъ что: а) листокъ, бывший приклееннымъ, составляетъ съ 6-мъ листкомъ первой тетради рукописи одно цѣлое, а листокъ 1-й приклеенъ ко 2-му какъ вставочной; б) на первой страницѣ отклееннаго листа я нашелъ и слово «Іапіа», но уже написанное только по-Латыни, и замѣтилъ, что вся страница темна, конечно, отъ долговременнаго употребленія. Дѣло для меня объяснилось. Подлога предполагать здѣсь невозможно: онъ былъ бы сдѣланъ искусно; но владѣлецъ рукописи, желая имѣть 1-й листокъ чистымъ, списалъ его на особенномъ кускѣ пергамина и вклеилъ этотъ кусокъ въ рукопись, а поллиный листъ оставилъ для пережета. Что перепись этого листа могла быть сдѣлана только по истеченіи немаловаго времени послѣ того, какъ писана вся рукопись, это ясно: рукопись должна была имѣть время постарѣть. Не былъ ли онъ даже переписанъ въ то время, когда рукопись переплеталась и обрѣзывалась? Это могло быть не ранѣе XV вѣка, или по крайней мѣрѣ XIV, какъ можно судить по почерку малыхъ, искаженныхъ обрѣзкою, приписокъ? Какъ бы то ни было, отъ воспоминанія о словахъ Храбра должно въ этомъ случаѣ отказаться, — и остаться при вопросѣ: «кто могъ дѣлать Славянскія приписки?» Texte du sacre невольно приходитъ на память, а другія Кирилловскія рукописи XV—XVI столѣтія, разсѣяныя въ разныхъ бібліотекахъ

этою частью Европы; могутъ содѣйствовать къ объясненію дѣла. Думаю, что можно найти здѣсь рукописи Киряловскія и древнѣе XV вѣка; думаю, что около этого времени въ сихъ мѣстахъ были по крайней мѣрѣ отшельники; молвилъся и писавшіе «по вѣрѣ Русскаго Закона», какъ упоминаютъ въ Глаголической припискѣ XIV вѣка въ Texte du sacre. . . Но нѣтъ ли принадлежатъ и приписки и въ Райградской рукописи?

Знавшійся Мораво-Словацкимъ нарѣчіемъ въ Брнѣ и сдѣлавъ небольшое путешествіе пѣшкомъ на Западъ Моравы; для ознакомленія себя съ чисто-Моравскимъ нарѣчіемъ; я поѣхалъ въ Оломуць (Olmütz). Всего пріятнѣе было для меня тамъ знакомство съ Профессоромъ Чешской Литературы Шемберою. Еще молодой человекъ, онъ отлично дѣятеленъ, и даетъ прекрасное направленіе своей дѣятельности: какъ Профессоръ, онъ имѣетъ сильное вліяніе на своихъ слушателей, возбуждая ихъ основательно изучать Чешскій языкъ, и самъ обращаетъ неуслышное вниманіе на изученіе Моравскихъ народностей.

Съ нимъ вмѣстѣ мы обошли Гану, благословенную роднину оригинальныхъ Ганаконъ, «Моравскую Палестину»; какъ они называютъ ее, выкали въ нихъ нарѣчіе, собирали пѣсни, пословицы и преданія, и доходили до мѣстъ, гдѣ живутъ не менѣе оригинальные Валахи.

Далѣе я поѣхалъ въ Опаву (Troppau); впрочемъ въ самой городѣ я не нашелъ для себя ничего особеннаго важнаго. Директоръ Музеума Энсъ написалъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій: объ Австрійской Силезіи; но ни Чешскаго языка, ни о Славянахъ Силезскихъ не знаетъ. Изъ Опавы я сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по Австрійской Силезіи, гдѣ живутъ Славяне; для ознакомленія себя съ ихъ нарѣчіемъ.

Моравія имѣетъ жителей 2,150,000; изъ которыхъ Славянъ 1,485,000 (Жидовъ около 38,000). Въ городахъ и между Славянами господствуетъ языкъ Нѣмецкій во

всемъ среднемъ и высшемъ сословіи. Нѣмцы живутъ по рѣкѣ Дыѣ (Таја) на Югѣ, за 49° Широты отъ Западныхъ границъ Моравіи до Моравы, также около Иглавы, Брна, Ольмюца, и болѣе всего въ горахъ на Сѣверозападѣ. Здѣсь границу между населеніемъ Славянскимъ и Нѣмецкимъ можно положить общими чертами такъ: начинаясь у Прусско-Силезской границы, между Егерндорфомъ и Опавой, раздѣльная линія влѣгъ выгнутою чертою къ Кенигсбергу, потомъ прямо на Югѣ къ Страмберку, отсюда почти прямо на Западъ, неподалеку Новаго Ичина (Neutitschen), Границы (Weisskirchen) и Оломуцкой Быстрицы (Wisternitz), далѣе на Сѣверозападъ мимо Штернберка, Унцова (Mae-gische Neustadt) и Шумберка, потомъ на Югѣ отъ Шильдберка къ Могельницамъ (Müglitz), и наконецъ кривою чертою къ Югозападу, снова къ границѣ Богемской у Березовой (Briesau). Такимъ образомъ и въ Моравіи Нѣмцы живутъ большею частію по границамъ. Славяне Моравскіе по нарѣчію и обычаямъ довольно разнообразны, хотя и принадлежатъ всѣ, кромѣ небольшого числа Хорватовъ (11,000— у границъ Австрійскихъ), къ отрасли Чехо-Славянской. Хорваты говорятъ нарѣчіемъ и имѣютъ обычаи Хорватовъ Венгерскихъ. Остальные Моравы суть: собственно Моравцы, Ганакіи, Словаки Моравскіе, Валахи, Силезскіе Моравцы и Польско-Силезскіе Моравцы. Собственно Моравцы живутъ на Западѣ Моравіи, т. е. въ краяхъ Иглавскомъ и Зноимскомъ, почти во всемъ Брненскомъ, исключая Восточныхъ границъ, и въ Оломуцкомъ на Югозападныхъ границахъ. Нарѣчіе ихъ не многимъ отличается отъ народнаго Чешскаго. Какъ особенности, можно сверхъ этого замѣтить: а) превращеніе о въ ó (pótóm, wótorej); б) вмѣсто ёho, ёmu — ýho, ýmu (krasnyho, krasnymu); в) вмѣсто koho, komu, toho, tomu — kého, kému, tého, tému; г) вмѣсто общепотребительнаго въ Чехіи nuni—нушко (теперь), въ

Моравіи неизвѣстнаго, употребляется *učil-wčilej*, неизвѣстное въ Чехіи. Во всемъ прочемъ, кромѣ нѣкоторыхъ діалектовъ, сходно это нарѣчіе съ Восточнымъ Чешскимъ. Ганаки живутъ въ Ганѣ, по рѣкѣ Ганѣ, въ среднѣ Моравіи, т. е. въ краѣ Оломуцкомъ, на Сѣверовосточныхъ границахъ Брненскаго, Сѣверозападныхъ Градицкаго, и въ Западной части Преровскаго, съ Запада примыкая къ собственнымъ Моравцамъ, съ Юга къ Словакамъ, съ Востока къ Валахамъ и Силезскимъ Моравцамъ; съ Сѣвера къ Нѣмцамъ. Нарѣчіе Ганацкое особенно отличается выговоромъ *y* за *é* и *u* за *ó*, равнымъ образомъ и не измѣняется въ *i* и *a* въ *e*. Словаки Моравскіе живутъ большею частію въ краѣ Градицкомъ, исключая Сѣверныхъ и Западныхъ пограничныхъ его земель, также по Югозападнымъ границамъ Брненскаго. Нарѣчіе ихъ отличается отъ нарѣчія Словаковъ Венгерскихъ употребленіемъ мягкаго *ř*, какъ и въ Чешскомъ и другихъ Моравскихъ нарѣчіяхъ. Валахи живутъ въ Южныхъ частяхъ края Преровскаго и Сѣверныхъ края Градицкаго. Ихъ нарѣчіе есть средина между Ганацкимъ и Словацкимъ, и замѣчательно кромѣ того употребленіемъ твердаго *ř*. Слезскіе Моравцы живутъ на Сѣверовостокѣ края Преровскаго и на Востокѣ Олавскаго. Польско-Слезскіе Моравцы живутъ въ краѣ Тѣшинскомъ. О нарѣчіяхъ Силезскихъ я говорю въ особенной Запискѣ, у сего прилагаемой (*).

Что я сказалъ выше о Чехахъ, то можно повторить и о Моравцахъ. Впрочемъ вообще въ нарѣчіяхъ Моравскихъ, германизмовъ менѣе, да и вліяніе Нѣмцевъ во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе; просвѣщенія также менѣе, равно менѣе и любви къ музыкѣ, и болѣе любви къ пѣснѣ, къ старинному обряду; добродушія и гостеприимства болѣе. Одежда очень разнообразна. Старинны

(*) Также будетъ помѣщена въ Ж. М. *Прим. Ред.*

въ образѣ жизни болѣе всего у Ганаковъ и Вадаховъ. Часть сихъ послѣднихъ, горные Вадахи, ведутъ лѣдомъ жизнь полу-кочевую.

Оставивъ Моравію, я поѣхалъ во Вратиславъ (Bratislav), съ тѣмъ, чтобы тамъ сколько можно пригото- виться къ путешествію пѣшкомъ по Славянской части Прусской Силезіи, а между тѣмъ и обозрѣть все, что есть важнаго по моему предмету въ Университетскихъ собраніяхъ. Профессоръ Пуркина, столь достойно знаме- нитый въ Германіи своими открытіями и трудами во части Физиологіи, и не менѣе того достойный глубочай- шаго уваженія отъ всѣхъ Славянъ за все славянское сердце и образованіе, обласкалъ меня, какъ родной, и помогалъ мнѣ чѣмъ могъ въ моихъ трудахъ. Даже еще не выѣзжая изъ Вратислава, я могъ начать лингвисти- ческія разысканія о Польско-Слезскомъ нарѣчій, находя всегда на берегу Одры сплавщиковъ лѣса и барочниковъ, пріѣзжающихъ туда изъ верхнихъ частей Слезска. При- выкнувъ къ нарѣчію, я поѣхалъ въ Ополе и оттуда обходилъ среднюю Славянской Силезіи. Жалко, что я, спѣша въ Лужицы, не могъ посвятить да этотъ народъ много времени: онъ сохранилъ много любопытнаго въ своемъ нарѣчій и обычаяхъ. О нарѣчій Прусско-Слезскомъ я говорю въ упомянутой Запискѣ о Слезскихъ нарѣчій; объ образѣ жизни, обычаяхъ и народной Повѣи Прус- скихъ Слезаконъ буду имѣть честь представить также отдѣльную записку. — Между рукописами Славянскими въ Университетской Библіотекѣ Вратиславской я не нашелъ ни одной важной; за то много любопытнаго на- шелъ въ Музеумѣ древностей. Собственно городовъ въ Силезіи я не видалъ; могилъ много: въ нихъ, равно и въ ровныхъ поляхъ, находятъ урды съ перьями и раз- ные вещи, каменные и бронзовые, въ большомъ количе- ствѣ. Во Вратиславѣ же я занимался, съ помощію Кандидата Маркуса, Нижне-Лужицкимъ нарѣчій.

Прѣѣдемъ изъ Вратислава въ Сгорѣлецъ (Görlitz), я оставался на короткое время въ Лигницѣ, гдѣ въ Библіотекѣ при церкви Петровской, нашелъ три Кирилловскія рукописи, кажется XV—XVI столѣтія: одна изъ нихъ — Псалтирь, въ искаженномъ состояніи, а въ отношеніи къ языку почти не разнится отъ нашего перевода; другая — отрывки изъ сочиненій Владоустаго; третья — календарь. Всѣ три, кажется, вывезены изъ Россіи. При этой же церкви хранятся и образъ Алексія Митрополита.

Въ Сгорѣлецѣ я не могъ не остановиться на большее время: кромѣ Библіотекъ, меня остановило тамъ знакомство съ Кандидатомъ Смоляромъ, отличнымъ знатокомъ нарѣчій Лужицкихъ. Онъ былъ мнѣ особенно полезенъ въ отношеніи къ нарѣчію Верхне-Лужицкому. Въ Библіотекѣ Миллиевской я нашелъ 11-ть Славянскихъ рукописей, болышею частію Чешскихъ, между прочимъ и календарь, очень похожій на видѣнный мною въ Лигницѣ. Въ Библіотекѣ Ученаго Общества хранятся коллектанен покойнаго Антова, также Френцела и проч. Между первыми я нашелъ любопытныя замѣчанія о нарѣчій Кашебскомъ и три списка Геннингова Полабскаго Словаря, и списалъ себѣ ихъ. Не могу не замѣтить, что списокъ Геннингова Словаря, извѣстный Добровскому, изъ котораго онъ сдѣлалъ и извлеченія въ своей Славянкѣ, есть самый неполный и худшій; два другіе списка ни Добровскому, ни другому кому, кажется, не были извѣстны. Полезно было для меня и знакомство съ Пасторомъ Гауптомъ, издателемъ Лужицкаго Магазина и Собранія Лужицкихъ Историковъ. Съ нимъ вмѣстѣ и со Смоляромъ обходили мы Славянскія окрестности Сгорѣльца и, переѣзжая въ Булшинъ (Bauzen), городища, лежащія вокругъ сего города, и другія замѣчательныя урочища (между прочимъ есть тамъ двѣ горы, изъ которыхъ одна называется Чернобогомъ, а другая Бѣлобогомъ).

Въ Будишинѣ я не могъ не остановиться на нѣсколько дней для обозрѣнія Чешскихъ рукописей, найденныхъ мною въ Герсдорфской Библіотекѣ. Между ними есть очень много важныхъ для Исторіи Чешской. Въ литературномъ отношеніи особенно важны двѣ пергаментныя XV вѣка. Одна изъ нихъ — сочиненія Гусса (Катихизисъ, О шести заблужденіяхъ и Объясненіе Воскресныхъ Евангелій), переписанныя, какъ означено на листѣ 137, въ 1412 году, и переписанныя подъ надзоромъ самого Гусса, какъ можно судить по правописанію и по припискамъ, вставленнымъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ объясненіи Евангелій. Можетъ быть даже, рукопись эта писана и самимъ Гуссомъ. Другая рукопись, писанная въ 1420 году, заключаетъ въ себѣ, кромѣ вступленій въ прозѣ и стихахъ, цѣлую Поэму, до сихъ поръ оставшаюся въ неизвѣстности. Принадлежа къ партіи Гусситовъ, Авторъ во вступленіи заставляетъ Корону Чешскую жаловаться Богу на Венгерскаго Короля Сигизмунда и на Соборъ Костницкій, и потомъ отъ имени Короны Чешской представляетъ жестокое правленіе Сигизмунда и вины Чешскаго Дворянства.

Это высказывается въ разговорѣ между Прагой и Кутной-горой (Kuttenberg, откуда родомъ и Гуттенбергъ, какъ недавно стали доказывать). Этотъ разговоръ составляетъ содержаніе цѣлой Поэмы: Прага обвиняетъ гору, гора оправдывается. Очень любопытная, какъ произведеніе поэтическое, эта Поэма еще важнѣе въ историческомъ отношеніи, какъ матеріалъ для уразумѣнія состоянія дѣлъ въ началѣ XV вѣка.

Вышедши изъ Будшина вмѣстѣ съ Смоляромъ, мы начали путешествіе по Лужицамъ. Оно было продолжительнѣе, нежели я предполагалъ. Чѣмъ болѣе встрѣчалъ я въ народѣ старо-Славянскаго и даже можно сказать Русскаго, тѣмъ болѣе возбуждалось мое желаніе, какъ можно ближе познакомиться съ этимъ народомъ, и я

оставилъ Лужицы только тогда, когда посѣтилъ въ нихъ всѣ замѣчательныя мѣста, выкнулъ въ обычаи и преданія.

О нарѣчіяхъ Лужицкихъ имѣю честь представить при семъ особенную Записку (*); тамъ же помѣщены и замѣчанія о современномъ состояніи Лужицкой Литературы. Собирая всюду народныя пѣсни и пословицы, я собиралъ ихъ въ Лужицахъ тѣмъ съ большимъ тщаніемъ, что онѣ до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны. Лужичане пѣснями богаче, нежели всѣ другіе Славянскіе народы, до сихъ поръ мною обозрѣваемые; и самыя обычаи сохранили у нихъ болѣе старины, нежели напр. у Чеховъ.

Во время путешествія по Лужицамъ, я обращалъ вниманіе на городища и могилы: первыхъ болѣе въ Лужицахъ Верхнихъ, вторыхъ въ Нижнихъ. Могилы, вышиною отъ 1 до 3 сажень, большею частію имѣютъ круглую форму, точно какъ и въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, и въ рѣдкой изъ нихъ не находятъ уриѣ и разныхъ вещей каменныхъ и бронзовыхъ. Городища, вышиною до 25 фут. и отъ 20 до 100 шаговъ, имѣютъ иногда обыкновенную круглую форму съ отверстіемъ, иногда же полукруглую; есть также и двойныя городища, но я не видалъ ни одного, которое бы имѣло форму столь сложную, какъ многія изъ городищъ Южно-Русскихъ. Въ городищахъ находятъ черепки сосудовъ, много угля, пепла, кости животныхъ, каменныя вещи въ родѣ молотовъ, ножей и пр. тѣхъ же формъ, какъ и въ могилахъ.

Оставивши Лужицы, я посѣтилъ берега Черной Ольстры (Schwarze Elster), и обозрѣлъ тамъ городища. По формѣ они ничѣмъ не разнятся отъ Лужицкихъ, какъ и вообще всѣ Саксонскія. Безъ сомнѣнія многое

(*) Будетъ также помѣщена. *Прим. Ред.*

еще остается рассмотреть прежде, нежели можно будет рѣшительно признать или отвергнуть ихъ Славянское происхожденіе; тѣмъ не менѣе многое заставляетъ предполагать, что они действительно Славянскія: а) они находятя только тамъ, гдѣ жила и живутъ Славяне; б) они всюду называются «городнищами»; в) ко многимъ относятся преданія вѣсто Славянскія; д) сами Германцы по своимъ преданіямъ называютъ ихъ Славянскими — Wenden-schancen, а иногда Германскими, повторяя о нихъ преданія, касающіеся Славянъ. . .

Я успѣлъ прѣхать въ Дрезденъ уже поздней осенью. Здѣсь, между Славянскими рукописями Королевской Библіотеки, особенно завла меня Чешская Библия XIV вѣка; а въ Кабинетѣ антиковъ, Собраніи Фарфоровъ и въ частномъ собраніи Библіотекаря Клауса, я нашелъ много любопытныхъ для меня остатковъ языческой древности, оторванныхъ въ могилкахъ и городнищахъ. Вообще сравненіе сихъ вещей съ отрываемыми въ Россіи очень занимательно: формы почти тѣ же, а не только формы, но и самый матеріалъ.

Возвратившись въ Прагу, я занялся преимущественно древнею Чешскою Литературою, и потому, чрезъ Краусградецъ (Königgrätz), Люгомысль и Брно, прѣехалъ въ Вѣну.

Я занимаюсь здѣсь, подъ руководствомъ Вука С. Караджича, языкомъ Сербскимъ, и приготавлиюсь къ путешествію по землямъ Иллирійскихъ Славянъ. Очень сомнѣю, что я не изгнѣлъ до сихъ поръ случая и времени заняться языкомъ Турецкимъ: вліяніе его на Западную половину Иллирійскихъ Славянъ было гораздо сильнее, нежели вліяніе Нѣмецкаго на Славянъ Германскихъ.